

Варвара Бурун
Так надо

Художественно-документальный роман

Варвара Бурун

**Так надо. Художественно-
документальный роман**

«Издательские решения»

Бурун В.

Так надо. Художественно-документальный роман / В. Бурун —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833191-6

«Так надо» — книга о поколении простых людей, на долю которых выпало послевоенное детство и жизнь в эпоху 70-х и 80-х годов. Они «пахали» в сельском хозяйстве — кормили всю страну. Они строили первые буровые в Заполярном Севере для добычи газа и нефти, без которых новая Россия не выстояла бы. Об их непростой жизни и любви рассказывает автор на примере главного героя.

ISBN 978-5-44-833191-6

© Бурун В.
© Издательские решения

Так надо

Художественно-документальный роман

Варвара Бурун

© Варвара Бурун, 2017

ISBN 978-5-4483-3191-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Памяти брата

Над поселком все та же привычная тишина и та же безлюдная улица. Три дворовые собаки, утомленные жарой, лежат в тени под забором. Вечернее солнце запуталось в листьях над ними. Все как всегда. Но сегодня что-то должно случиться... Откуда такая мысль? Виктор пожал плечами и шагнул на грунтовую дорогу. Вспомнив, что не закрыл калитку, вернулся, прикрыл ее и пошел своим привычным путем – на ток.

Погруженный в свои мысли, он кинул рассеянный взгляд на собак, которые смотрели на него с вечной надеждой в глазах. Виктор усмехнулся: что может случиться? Во всяком случае, ничего плохого. Потому что хуже уже не будет. Он астматик и сторож. В 57 лет – уже старый больной человек, списанный элемент, ни на что больше не способный. Единственное, что он еще может, это работать сторожем на току. Охранять зерно.

Почему так все сложилось в жизни? Ведь не сторожем хотел быть. Нет, он никогда не думал о кресле начальника, не мечтал ни о какой карьере. О таких, как он, говорят: простой трудяга. И профессию сторожа не считает постыдной – обычная работа. Но не в этом дело. Не такой он видел свою жизнь, совсем не такой... Странная она какая-то получилась... А ведь вроде немногого хотел. Тяжелые мысли налетели словно полчище мошкар и отмахнуться от них было уже невозможно.

Виктор чувствовал себя уставшим, хотя целый день ничего особенного не делал. До тока какой-нибудь километр, а дышит так, будто всю дорогу бежал. Он достал из кармана брюк ингалятор – прыснул в рот спасительное средство и удушье отпустило. Вот так, наверное, и придет смерть. Он мысленно махнул рукой: ладно, все будет нормально. Не впервой. Виктор оперся о забор, чтобы переждать, пока сможет идти. Увидел сменщика Федю, бегущего к нему.

- Ты чего, Витёк? – спросил Федя с тревогой в голосе. – Тебе плохо?
- Нет-нет, – выдал улыбку Виктор. – Все хорошо.
- Точно?
- Точно.
- Может, тебе нездоровится?
- Федя, все нормально. Так, дневная жара утомила чуток.
- Хочешь, я за тебя...
- Федя!

Дыхание восстановилось, темнота в глазах ушла, и они с Федей не спеша пошли к сторожке. Пообщались еще немного, и Федя ушел. Виктор присел на скамейку возле сторожки. Все его жалеют... Дожил!

Окончательно придя в себя, встал, пошел осматривать хозяйство. А душевные мысли не отставали, шли за ним по пятам, давя на плечи. Так где же он ошибся? В чем виноват? Что сделал не так? Когда?

Обойдя горы зерна, он вернулся в сторожку, медленно лег на старую, выдавшие виды кушетку и устремил невидящий взгляд в потемневший от времени потолок. Как-то странно устроен этот мир. Получается так, что каждый раз он оказывался перед странным выбором. А выбора, по сути, и не было. Или, может, ему только кажется? Может, ему просто неведома какая-то великая необходимость, которая и строит жизнь как надо? И где он перешел запретную черту, раз его выкинуло на обочину?

Картины прошлой жизни стали вспыхивать в памяти, он пытался понять, что же было не так...

– Бомбят! Бомбят! Скорее в подвал! – кричит он истошно и бежит к другу Лешке. Своего подвала у них нет. Вернее, он есть, но такой маленький, что и подвалом нельзя назвать. Подпол. В нем до войны охлаждали молоко летом, а зимой хранили картошку; закрывался деревянной крышкой, а для конспирации – круглым половичком, связанным из цветных тряпочек и подаренным когда-то маминной подругой. Глубина подпола – с его рост, а ширина – две распростертые руки. Ему, шестилетнему, хватило бы места, но находиться в земляном тулупе он не желает. То ли дело у Лешки: там подвал так подвал. Глубокий, со ступеньками, вмещает человек десять. И как бы тесно в нем не было, ему всегда находят место. Друг же!

Мама не может бежать вместе со всеми: на руках его маленький братик, а в кровати больная Даша – его тетя. Переболевшая тифом, она очень слаба и не может ходить. Как тут бежать? Каждый раз при очередном обстреле Даша судорожно цепляется за подол маминной юбки.

– Мария, не бросай меня! Пожалуйста, не бросай меня! Я боюсь одна!

– Да как я тебя брошу? – обречённо отвечает мама. – Я с тобой...

Примерно в трех километрах идут бои, и взрывы поднимают землю совсем рядом с поселком. Всем, понятно, страшно. Прячутся кто куда. Самую большую суету разводят мальчишки – носятся по поселку. Для них это детская игра в войну...

Во время бомбежки мама не находит себе места. Не о себе она беспокоится – о нем. И каждый раз, когда он возвращается домой весь измазанный и голодный, бросается к нему, обнимает: «Слава Богу, сыночек, живой!..».

Наши войска догоняли фашистов, отбивая стратегическое направление. Земля, горела не только под ногами у немцев. После боев степь превратилась в черную, обуглившуюся пустыню.

Когда началась война и как провожали отца, он совсем не помнит. Может, этого момента просто не видел. Ему тогда было пять лет. Запомнились только молчаливо-тревожные женские лица. Не было, как прежде, обычного смеха, не стало радости. Все чего-то ждали, чего-то нехорошего. А в конце лета 1942 года фашисты пробивались к Грозному – к нефти через Моздок, дорога к которому проходила рядом с поселком.

Немцы заняли поселок. Выселили и их семью в сарай.

– Ни в коем случае не выходи из сарая! – говорит мама. – Не показывайся им на глаза.

Он и не выходит. Целыми днями смотрит через щели в сарае и наблюдает, что там происходит во дворе. И каждый раз жадно впивается глазами в блестящий немецкий мотоцикл. Вот бы рассмотреть его поближе, руками потрогать! Но когда во дворе появляется немецкий солдат или офицер, невольно приседает.

– А вдруг немцы заберут меня? – часто спрашивает Даша. Мама успокаивает ее:

– Да кому ты нужна такая дохлая?

Даша после тифа сильно изменилась: лысая, худющая, бледная, как смерть. Немцы к ним не заходят, но Даша боится. Чего? Он не понимает, почему ее могут забрать. Мама тоже ходит в старом платье и темном платке, завязанном на узел под подбородком и закрывающем лоб до самых глаз. Он ничего не понимает. Но раз мама боится – значит, не зря. Мамин страх передается и ему. Он смотрит на немцев, вроде такие же люди, разве что говорят на непонятном языке. Но, видимо, есть в них что-то, чего надо опасаться. Говорят, убить могут...

– Ком цу мир, матка! – говорит немец маме, которая, сильно прихрамывая, идет к сараю.

Она наколола себе пятку, наступив на ржавую проволоку. Нога распухла, стала нарывать, и мама хромот, как старуха.

– Ком хир, – зовет ее немец и показывает сначала на ее ногу, затем на их дом, из которого только что вышел.

Он – фельдшер, живет в их доме. Мама останавливается, смотрит на немца и испуганно прижимает руки к груди, а тот настойчиво зовет ее в дом. Наконец, она покорно следует за ним. Что немец сделает с мамой? Но вскоре мама выходит из дома с забинтованной ногой. Как оказалось, немец вскрыл острым скальпелем нарыв, приложил какую-то мазь и забинтовал.

А однажды немцы исчезают. Вдруг в суматохе выскакивают из домов, что-то кричат на своём языке, будто пожар начался, и в один миг укатывают на своих машинах и мотоциклах. Только пыль клубится им вслед на дороге.

– Мам, а почему они к нам пришли? Им жить негде? – спрашивает он.

Мама смеется и целует в макушку:

– Не знаю, сынок. У них своя страна есть. Но хотят еще и нашу.

– Зачем?

– Кто знает? Хотят... Хотели...

В сторожке стало темно. Виктор встал, подошел к двери и нажал на выключатель. Большая грязная лампа вспыхнула под потолком, резанув по глазам. Он невольно зажмурился. Неуютный какой-то свет. Он снова выключил его. В темноте лучше, спокойнее.

Действительно, зачем они пришли? У него и сейчас нет ответа на тот детский вопрос. Этот фельдшер... Вряд ли в детстве он думал: вырасту и пойду завоевывать Советский Союз. Такой профессии не существует: завоеватель. Да он, наверно, и толком не знал, где этот Советский Союз находился, просто хотел стать врачом. И сотоварищи его – они тоже хотели кем-то быть: строителями, инженерами, музыкантами... А пошли воевать. Зачем? Люди везде одинаковы, никто не хочет воевать, а тем более умирать. А воюют. И умирают. Молодыми, полными сил, со своими мечтами. Как сложилась судьба того фельдшера? Может, погиб в том самом бою, за поселком. И всё. Хотел быть врачом, лечить людей, жить счастливо, а бесславно сгинул где-то на чужбине, и никто из родных не бросил горсть в его могилу. Да и не знает никто, где могила-то его. Кто-то вместо него решил его судьбу. Кто-то сказал: ты должен воевать. И он согласился. А может, не хотел воевать, но не мог иначе, потому что должен. А погиб – и долг с него списали: ну, ничего не поделаешь, старик, так вышло, извини. Но ты отдал жизнь за великое дело. За великое... А ведь и не было никакого великого дела, не получилось оно у них. Убили миллионы людей, разрушили полмира – и ушли вслед за фельдшером. Без всякого смысла.

Может, тогда все и началось, в те военные годы? Может, кто-то точно так же решил и его, Виктора, судьбу? Или что-то, какая-то целесообразность? А теперь – извини, старик, так вышло... Да нет, вроде никто ему не вдалбливал всякие умные мысли о каком-то там долге... Тогда, может, должен был сам что-то сделать, а не сделал. Но что? Понятно, если бы не война, жизнь сложилась бы иначе. Совсем по-другому. Виктор, устало вздохнув, провел рукой по лицу. Вроде всё в его жизни шло, как должно было. Иначе быть не могло. Или могло? Тогда в чем же дело?!

...Бои отступили. Они с пацанами не вылезают из окопов. Собирают пустые патроны, хвастают, кто больше собрал трофеев, и играют теперь в свою детскую войну. Здесь война закончилась, а в стране она будет длиться еще долгих три года.

– Витя! Посмотри за братиком, чтобы не упал, – просит мама.

Мама обращается к нему как к взрослому: ведь как не крути, в семье он старший «мужчина». Маленький Саша только начал ходить, и за ним нужен глаз да глаз.

– Сынок! Накорми кур, налей им водички. Витя, подмети двор, сходи за хлебом.

Мама доверяет ему посильную работу, а он гордится тем, что она так серьезно к нему относится. Старается все хорошо выполнять и радуется, когда она его хвалит:

– Что бы я без тебя делала, мой помощник?

Она привыкла советоваться с ним по всем делам, касающимся хозяйства. Хотя какое там хозяйство? Пять курочек – вот и вся живность. Корову пришлось сдать ещё в начале войны, а поросёнка съели немцы.

– Витя, а что мы будем готовить на ужин?

– Да, мам, борщ поедим. – Борщ из лебеды.

Даша поправилась, работает в больнице санитаркой. Пропадает там целыми днями. А он обычно дома. Ему всё интересно: хвостиком ходит за мамой, смотрит, как она работает по дому, и старается повторять за ней. За годы войны он многому научился. Но больше всего ему нравится сбегать на поле, подолгу смотреть, как старенький трактор тащит железный плуг и нарезает борозды, будто халву, как это делала ножом продавщица тетя Света в начале войны. Благо, поле рядом с поселком. Тут все по-другому, какая-то другая жизнь, не как в поселке. Она завораживает и манит. На полевые работы он может смотреть часами.

Поселковым мальчишкам рано пришлось повзрослеть. Отцы на фронте, и они поневоле заменяют отцов. Кто постарше – работают заправщиками, прицепщиками. Он завидует им и мечтает о том дне, когда так же будет работать в поле.

В поселке всего два исправных трактора – двухколесные СТЗ. На них работают, конечно же, женщины: Рая и Шура. Они же и ремонтируют их. Он частенько бегают и на машинно-тракторную станцию: полюбоваться на чудо-технику. Стоит и замороженно смотреть, как две женщины возятся с машинами. Вот бы взобраться на трактор да посидеть там!

– Нравится? – спрашивает тетя Рая, улыбаясь.

Он кивает головой.

– Вырастешь – приходи. А пока тебе сюда нельзя. Иди домой, Витек.

Он опускает голову, поворачивается, уходит...

Пока ему доверяют только колоски собирать после уборки урожая. Хотя и это очень важное дело, в нем участвуют и стар и млад. Урожай невысокие: не хватает в хозяйстве семенного зерна. Каждый колосок дорог, каждое зернышко. Вот и выходят люди всем поселком в поле: собрать всё, что не смогла техника.

...Время идти в школу. Он этому не очень рад. Ему больше нравится дома заниматься хозяйством и чувствовать себя незаменимым помощником. Но учиться надо, так говорит мама. И он учится. Учится хорошо, но особого рвения к учебе нет... Прибежав из школы, бросает сумку с книгами и первым делом мчится к полю: там сейчас пахота! Он не может пропустить такое событие.

– Витя! Ты куда? Покушал бы, – беспокоится мама.

– Мам, я быстро! – кричит он уже со двора.

Поле его завораживает. Если трактор далеко, непременно дожидается... Пропахав очередную борозду, железный конь с шумом медленно подползает к самому краю поля. Он радостно машет руками, приветствуя тетю Раю или тетю Шуру. Они машут в ответ. После этого довольный бежит домой.

Он уже неплохо знает, что значит выращивать хлеб. Не раз на его глазах происходило это чудо превращения зернышка в колос. После сбора урожая трактор острым плугом, сверкающим на солнце, глубоко перепахивает поле. Затем землю боронуют, прицепляя к трактору

борону с острыми зубьями, которые разбивают комья земли. Это самое тяжелое: пыль стоит облаком, и ничего не видно. А потом земля засеивается: к трактору прицепляют сеялку, на которой находятся ящики с зерном, из них сыплются драгоценные зернышки. Остается ждать появления первых осенних всходов перед зимой. Озимые. Вот-вот снег ляжет, а все поле в ровненьких зеленых полосках – как весной! После завершения всех этих работ, хлеборобы говорят, нужно уповать на природу, которая вовремя посылала бы зимой снег, а весной – дожди. Весной землю снова боронуют, разрыхляя почву между рядами всходов. Но самым интересным из всего этого процесса для него бывает уборка урожая. Трактор тащит за собой старенький комбайн «Коммунар», впереди которого крутится воздушный барабан жатки. Жатка скашивает набухшие колосья ячменя или пшеницы, молотилка тут же их обмолачивает, а сортировка отделяет зерно от примеси и сорняков. Вся техника пытит и гремит, выплевывая такое долгожданное зерно...

...Почтальонша Люся идет, низко опустив голову. В поселке все давно знают: если голова ее поднята – значит, у нее долгожданное письмо с фронта, жив солдат. А если опущена – значит, горе пришло в еще один дом. Он первым ее замечает. Она направляется к их дому. У него замирает сердце.

– Мать дома? – спрашивает Люся виноватым голосом.

Он молча кивает, сторонится, пропускает ее в дом, сам остается во дворе: ему страшно заходить. Через несколько минут почтальонша выходит.

– Иди к матери, – бросает она, не глядя в его сторону.

Мама сидит за столом, обхватив голову руками, тихо стонет. Он стоит в дверях и не знает, что делать... Ни о чем не спрашивает, и так уже знает – горе пришло и в их дом. Подходит к ней нерешительно, толкает в плечо:

– Мам... Мам, не надо...

Она поднимает голову, смотрит красными от слез глазами и начинает голосить:

– Витенька, сыночек, осиротели мы, осиротели... Погиб Ваня... Погиб отец твой... Будь она проклята – эта война!..

Ему до боли жаль маму. Он обхватывает ее руками. Обнявшись, они долго плачут навзрыд. На столе похоронка: пал смертью храбрых, похоронен в пригороде Потсдама.

Приходят соседи, приезжает Даша из города. Слезы, причитания.

Через несколько дней война закончится.

Виктор вышел из сторожки. Во дворе было также душно. Огромная луна висела над поселком. Где-то далеко залаяли собаки. Родная деревенская тишина. Он побродил по двору, затем сел на скамейку и вновь ушел в свои мысли.

Если бы не война, наверное, не было бы у него этой роковой любви к земле. Виктор усмехнулся: как далеко хватил!..

Отец... Он совсем не помнит его. Вот был бы он жив – с ним пришел бы к чему-то другому. Кто знает... Война отняла у него отца. Как и у многих других... Тот фельдшер, у него тоже, наверное, были дети. И они тоже, выходит, выросли без отца. Война перекрутила судьбы миллионов людей, нескольких поколений и здесь, и там, в Европе. Помимо их воли...

...Мама... Ему нравится разглядывать ее: смуглое от загара лицо, пышные каштановые волосы, большие карие глаза. Несмотря на все невзгоды, на горе и лишения, она красивая и молодая. Мама работает на полевом стане кухаркой: теперь она единственная кормилица в семье.

На нем все домашние дела и братик Сашка. Вот бы еще голод не мучил. В магазинах полупустые полки, да и покупать не на что. Правда, хлеб есть всегда, хоть и меньше, чем хотелось бы. Остальное – как повезет. У кого есть корова – тем полегче. Но таких немного. Да и на коров после зимы больно смотреть: слабые, тощие, с выпирающими ребрами. Кормить-то их нечем! Какое от них молоко? Мало толку. Зато весной и летом скотина отъедается и приносит хозяевам радость. Остальным сложнее. Приходится питаться тем, чем богата степь.

Они с мальчишками часто охотятся на сусликов. Забавные существа, но вредные. Ломают колосья в поле, воруют зерно, делая запасы на зиму. Дети, однако, охотятся на них не поэтому: голод заставляет. Они набирают по ведру воды и, пыхтя, тащат в степь. Суслики-столбики, увидев их, шустро ныряют в норки. Один из пацанов льет воду в дырку в земле, другой готовится поймать зверька: замирает над норкой, вытянув руку. Суслик выныривает из переполненного водой убежища, и охотник хватает его за шею – так, чтобы зверек не укусил. Первый раз было страшновато, теперь же это обычное дело – почти развлечение. Ловят, пока есть вода. Иногда удается поймать пять-шесть сусликов.

Разделять добычу всегда зовут долговязого Сеньку, он в этом деле мастер. Сенька смело достает сусликов из мешка, а они с Андреем отворачиваются. Слышат только треск за спиной. Жуткий звук! Но теперь можно поворачиваться. Вытянувшиеся тушки сусликов Сенька подвешивает за лапки и, надрезав ножичком в нужных местах, ловко и быстро сдирает шкурки, как чулки. Затем принимается за разделку тушек. За всеми действиями Сеньки, кроме экзекуции, они, в предвкушении еды, наблюдают спокойно. Привыкли. Живот с утра пустой, неприятно урчит, и мысли у них только о еде. Разводят костер из сухого перекасти-поля, кизяка и в старой помятой кастрюле жарят сусликов. Запах мяса ужасно противный, но голод не тётка... После трапезы Сенька натягивает шкурки сусликов на распорки из деревянных палочек, для просушки, и уносит с собой: это плата за работу.

Иногда они воруют яйца из гнезд цветных скворцов, в норках на срезах плотных песчаных бурунов. Эти крохотные яйца более приятны на вкус, чем мясо сусликов. Весной едят сочные луковицы тюльпанов, летом – разные травы и лопухи, лишь бы их можно было жевать без отвращения: все равно есть больше нечего. В их поселке, затерявшемся в засушливой степи Ставрополя, фрукты и овощи не растут. Вода только артезианская, одна скважина на весь поселок. Ни рек, ни озер. Только пески. Даже дожди – и те редки. Какие ж тут могут быть фрукты? Он толком и не знает, как они вообще выглядят. В книжках видел – вот и всё. Говорят, очень вкусные...

Через несколько лет в поселке происходит настоящее чудо. Его автор – Николай Иванович Капота, новый агроном совхоза. С приходом Николая Ивановича начинаются удивитель-

ные преобразования. Завозят несметное количество саженцев, бурят еще одну артезианскую скважину. Деревья сажают и вокруг полей – для защиты посевов от суховеев, а зимой для задержки снега. У поселка появляется и главный садовод – дед Кондрат. Худощавый, высокого роста, легкий в движениях. Для него ухаживать за зеленым хозяйством – дело жизни. Следит, чтобы водица по узеньким канавкам поступала к каждому дереву, к каждому кустику. Он относится к ним так, будто это его родные дети. И не дай Бог кто-нибудь повредит деревце или сломает веточку сирени – может и по спине черенком лопаты огреть.

...Ему уже тринадцать лет, Сашке восемь. Мама за время войны всю свою любовь перенесла на младшего брата, во всем балуя. А когда ссорятся с братом, всегда достается ему: «Саша маленький...». Обидно иногда, но он не спорит.

В поселке школа семилетняя, ему остается еще два года учебы. После школы у мальчишек одна дорога – в училище, которое в краевом центре. А ему хочется поработать в поле, оно все время манит его. Мужских рук по-прежнему не хватает – с фронта вернулись немногие. Подростки заменяют отцов.

– Мам! Мне сегодня предложили поработать на уборке зерна, – с порога радостно кричит он.

– Кто предложил?

– Дядя Коля. Он сейчас изучает комбайн, недавно пригнали к нам в совхоз.

Самоходный! С-4. Я его уже видел. Знаешь какой?! Все сам делает: и косит, и молотит – сразу зерно сыпется, только подставляй куда! Не веришь?

– Не верю, конечно. А ты что там делать будешь?

– Я буду помощником штурвального. Мам, ну разреши, пожалуйста!

– Не знаю, надо поговорить с дядей Колей.

– Ну, ты быстрее поговори, а то кого-нибудь другого позовет!

Сосед дядя Коля на войне был ранен и контужен, но вернулся живым. Мама была рада за него и за соседку Надю. До войны они дружили семьями. У соседей две дочки. «Может, посватаемся, придёт время», – шутили они.

Мама идет к дяде Коле. Через минуту он выбегает за ней, тихо, стараясь не шуметь, подходит к соседскому забору. Дядя Коля сидит, строгают ножом черенок, мама стоит перед ним.

– Коля, ну что ты ребенку голову морочишь? В какие-то штурвалы зовешь! Он же мал еще...

– Ну, во-первых, не штурвалы, а штурвальный, то же самое – комбайнер...

– Да какая разница?

– А во-вторых, посмотри на парня. Ты что, не видишь, нравится ему это дело. От комбайна не отходит! Что плохого, если месяц поработает со мной? Я в его годы тоже помогал отцу пахать. И ничего, жив остался. Лучше, если парень все лето без дела болтаться будет?

– Так-то оно так... Жалко его: сколько пыли придётся поглотить...

– Зато мужиком нормальным будет, – дядя Коля перестает строгать, поднимает голову и, улыбаясь, смотрит на маму.

– Ты чего, Мария? Думаешь, я с ума съехал? Или зло какое замышляю? Не волнуйся, все будет хорошо. Ты ему только побольше еды в узелок клади, и ни о чем не беспокойся.

Дядя Коля вновь продолжает строгать. Мама молчит некоторое время, затем, вздохнув, говорит:

– Ладно... Только не нагружай его сильно...

Уборка зерна в самом разгаре. Он встает чуть свет, завтракает и вместе с дядей Колей идут в поле. Сначала неуютно идти по прохладной росе, но потом ноги привыкают, и она даже начинает нравиться: бодрит, спать уже совсем не хочется. Дядя Коля готовит машину к работе, а он на подхвате. А как только солнышко прогревает землю и подсушивает от ночной влаги налившиеся зерном колосья ячменя, они принимаются за дело. Здорово-то как! К обеду набирается уже полный бункер зерна. Подъезжает грузовая машина, дядя Коля высыпает зерно в кузов, и грузовик медленно, переваливаясь с боку на бок по неровному полю, едет на ток. Нещадно палит солнце, в мокрое от пота лицо летят пыль и колючие осколки соломы, хочется пить, но он терпит и старается исполнять распоряжения дяди Коли быстро и четко.

Вечером, придя домой, уставший, весь черный от пыли, моется и без сил падает на кровать. Первые дни не хватает сил даже на то, чтобы поужинать. Но постепенно привыкает, осваивается. И гордится собой, что выстоял, смог, все у него получается. А у мамы разрывается сердце. Она видит совсем другое: тяжело ее чаду. Но сдерживает себя: сын-то счастлив!

Наконец урожай весь убран. Он смотрит на чистое поле и чуть не задыхается от нахлынувших чувств: это они с дядей Колей сдюжили! Это их рук дело!

А дома мама сидит на кухне и плачет.

– Ты чего, мама?

– Я только из бухгалтерии, – отвечает она, глядя на него полными слез глазами. – Ты заработал кучу денег!

Только сейчас он замечает на столе деньги. Его зарплата! Ну дела! Он и не думал о ней! Мама встает, подходит к нему, прижимает к груди.

– Кормилец ты мой!

Он замирает в объятиях матери. На заработанные деньги мама покупает телочку: трудно в деревне без коровы.

...Пролетает последний учебный год. После семилетней школы многим выпускникам хочется в училище, но из района приходит только две разнарядки. Они достаются ему, как потерявшему отца на войне, и другу Лешке – как лучшему ученику. Тяжело расставаться с мамой, братом, родным поселком – но надо. Мать тяжело вздыхает:

– Поезжай, сынок! Как же без образования-то? Мы тут без тебя справимся. Год не вечность, будем ждать, что поделаешь?

До отъезда еще целый месяц – можно поработать. А он ничего другого давно себе не мыслит. Ему нравится всё – даже усталость после рабочего дня. Вот идут они с дядей Колей по поселку – с поля возвращаются, и он горд и счастлив: день был хорош! А сельчане уважительно здороваются, руки жмут.

...У мамы с раннего утра глаза на мокром месте. Плача собирает сумку. Кладет в нее рубашку, майку, носки, бутылку молока, хлеб, вареные яйца.

– Отца твоего так же провожала, – говорит, едва сдерживая слезы.

Провожают их чуть ли не всем поселком. Девчонки целуют на прощанье, они смущенно краснеют. Мамы который раз напутствуют их, дают важные советы. Подъезжает полуторка, он и Лешка взбираются в кузов – и начинается путь в новый для них мир. Они впервые выезжают за пределы поселка...

Город удивляет: совсем не похож на их поселок. Асфальтированные дороги, высокие дома, широкие улицы, много машин. Их определяют в сельскохозяйственное училище. Свою будущую профессию он не сразу понял: механизатор широкого профиля. Что за профиль?

– Первым делом – в баню! – строго чеканит Федор Васильевич, воспитатель группы.

Федор Красюк потерял на войне правую руку до локтя. Манжету рукава он пристегивает на предплечье, и видно, что одна рука короче другой. Ему лет тридцать. В бане он так же строг, но при этом и внимателен.

– Мамок здесь нет, все придется делать самим, – говорит Федор Васильевич, но объясняет, с чего начинать и чем заканчивать эту процедуру.

После бани всем выдают обмундирование, почти как в армии: брюки, гимнастерки, бушлаты, сапоги. Теперь недавних деревенских мальчишек не узнать: блестят как новые монеты, повзрослевшие сразу на пару лет. Из бани они строем идут в общежитие. В каждой комнате по десять человек. Каждому показывают его кровать и тумбочку. Федор Васильевич, заметивший, что они с Лешкой все время держатся вместе, разрешает им жить в одной комнате. Кровати также оказываются рядом. Наблюдателен Федор Васильевич, ничего не скажешь. Хороший мужик, хоть и старается выглядеть грозным.

Умывальная комната и туалет – в конце коридора, одни на весь этаж. Школа и столовая в отдельном здании. Из общежития всех ведут в столовую. Наконец-то! Они с удовольствием уплетают неказистый борщ, котлеты с перловкой и (надо же!) компот. Царский обед!

Учеба в училище отличается от школьных занятий. Первую половину дня преподают теорию, а после обеда – практику. Практика проходит тут же, на территории училища – на площадках, где есть вся необходимая сельскохозяйственная техника. Лешка помогает ему в теории, а он ему в практике...

Жизнь в училище мало чем запомнилась. Да там ничего особенного и не происходило. Они все время находились то в классах, то на учебном полигоне, то в общежитии. А развлечения... Иногда их водили в кино. Тогда они могли хоть город увидеть. Вот и все развлечения...

Послышался шум шагов. Виктор повернул голову. Кто-то шел по тропинке, ведущей к сторожке.

– Кто там? – спросил Виктор.

– Да я это.

Виктор узнал гостя по голосу: Сергей Иванович, директор совхоза. Все звали его просто Иваныч. Они пожали друг другу руки. Рука у Иваныча твердая, крестьянская. Он и сам словно выточен из куска скалы: плотный, высокий, чувствуется в нем сила, хотя ему уже за шестьдесят. Лицо крупное, с тяжелым квадратным подбородком и узковатыми, вечно прищуренными глазами. Взгляд твердый и в то же время спокойный, добродушный. На голове – всегда белая летняя шляпа с множеством маленьких дырочек, Виктор никогда и не знал, как она называется. И никогда не видел Иваныча без этой шляпы – кажется, он и на работе в ней сидит. Хотя вряд ли... Говорил всегда тихо, спокойно, но все его слышали. И слушали.

– Как дела? – спросил Иваныч.

– Да как? Нормально всё.

– Федя сказал, ты себя не очень хорошо чувствуешь?

– Да в порядке я!

– Ладно, ладно. Не заводись.

– Ты из-за этого пришел? Уже полночь, наверное! – Виктор посмотрел на часы, затем поднял руку повыше, чтобы разглядеть циферблат при свете луны, но стрелок не было видно.

– Ну почему из-за этого? Я только из конторы, домой иду, вот и решил по пути заскочить, посмотреть, что да как.

– А чего ты так поздно на работе?

Иваныч вздохнул:

– А потому, что бардак в стране.

Директор выругался.

– Это да, – согласился Виктор. – Случилось что-нибудь?

– Да теперь каждый день случается... Это уже норма... Начали с перестройки, а закончили развалом страны... Цены каждый день растут, связи разрушены, непонятно, что происходит. Мы целый день с бухгалтером пытались понять, как дальше жить. И полстраны по телефону обзвонили. По какой цене зерно продавать, чтобы не в убыток? Кому продавать, как вывозить... Э! Дожили...

Виктор молча смотрит в землю, кивая головой.

– Ладно, не бери в голову, – Иваныч по-дружески хлопнул Виктора по спине. – Вырулим... Как дома?

– Да все вроде нормально. Ну, не считая того, что в стране бардак, – Виктор улыбнулся. – От него ведь дома не закроешься.

Иваныч ухмыльнулся в ответ. Поговорили еще немного об урожае, о погоде, о чудной ночи, затем директор сказал «ладно, пойду» и протянул руку. Они попрощались, и директор ушел. Виктор вздохнул, почесал лоб. Хороший народ в поселке, но эта жалость достает. Каждый раз он чувствует себя глубоким старцем. Хотя, конечно, они недалеко от истины. Иваныч, вон, ровесник, а заметно моложе. А он... Вот и сейчас предательская слабость в ногах, во всем теле, и никуда от нее не деться. А ощущение такое, будто он разваливается потихоньку. Прямо как вся страна. То ли тема разговора повлияла, то ли жалость Иваныча задела, но на сердце стало еще противнее. Виктор вернулся в сторожку, нащупал в темноте кушетку и снова лег. В стране плохо, на сердце плохо, со здоровьем плохо. Вот как все обернулось!..

...Учеба позади, он снова дома! Сашка первый, кого он увидел. Стоял во дворе, словно ждал.

– Осторожно, раздавишь, – с наигранной натугой выдавливает он слова, оказавшийся в объятиях брата.

– Вырос-то как! Меня скоро догонишь!

– Постараюсь, – смущенно улыбаясь, говорит Сашка. – Пойдем, маму обрадуем.

Радость оказывается чрезмерной. Увидев его, мама охает и чуть не падает. Они едва успевают подхватить ее.

– Витенька, сыночек мой! Ты вернулся!.. Мой родненький!

Тут и Даша выскакивает из соседней комнаты. Все четверо обнимаются, кто плачет, кто смеется...

Он не может нарадоваться своему дому, ходит кругами, проверяет каждый уголок. Осматривает родное гнездо по-хозяйски, основательно. Руки так и чешутся. Петли на входной двери надо жиром смазать, скрипит нехорошо. В курятнике полки поправить... Дров наколоть побольше... Не откладывая, берется за дело.

Так незаметно пролетает неделя отдыха. Пора и за работу. Его ждут не дождутся в конторе.

– Та-ак, – протягивает директор совхоза Борис Сергеевич, разглядывая свидетельство. – Звучит-то как: механизатор широкого профиля! Прямо всезнайка! Очень хорошо! – Глядя в глаза, с улыбкой выносит решение: – Ну, механизатор широкого профиля, начни-ка, пожалуй, с ремонта техники. Запчасти уже завезли, так что действуй. Сначала надо привести в порядок трактора, комбайны, сушилки, веялки и там что-то еще по мелочи. Техника у нас вся барахлит, так что есть где показать всю широту этого самого профиля. Как тебе такая перспектива? – подытоживает директор.

– Хорошая перспектива! – улыбается он. – Мне самому не терпится теорию в практику претворять.

– Красиво говоришь! Молодец! Тогда вперед, к победе сам знаешь чего! Малышева... Как его имя, однокашника твоего?

– Лёша. Алексей...

– Алексея подключим, дам еще ребят. Нужно будет еще чем-то помочь – вот я.

Понеслись рабочие будни. Он уже не помощник, не подмастерье, а полноценный работник. На нем и на Леше держится вся техника хозяйства. Руки все время черные от мазута, постоянно приходится дышать керосином, целыми днями лежать под машинами. Рабочую одежду он оставляет в гараже: она стоит колом от всяческой химии и запахов. Стирать такую робу – легче выбросить! Непростая у него работа, но ему нравится. Уставший, но довольный, всегда с улыбкой, возвращается вечером домой, где ждет мамин душистый борщ, свежее молоко от собственной коровы и ароматный хлеб. Что еще надо?

На развлечения времени уже не хватает. Да и развлечений-то особых нет в поселке. Иногда привозят кино, по выходным в клубе танцы. Но ему все время некогда. В будни целый день на работе, а в выходные надо матери по дому помогать: то дверь в сарае поправить, то навоз убрать – да мало ли дел!..

– Тебе повестка, сынок!

Голос у мамы грустный. Он берет со стола желтоватую бумажку: «Явиться в военкомат...» и все такое. Понятно, что ж. Он молча переодевается, умывается, садится за стол. Молча берет ложку и принимается за ужин. Мама садится рядом и смотрит, как он ест.

– Не хочется? – спрашивает.

– Не в этом дело. – Служить-то надо. Просто хотелось в поле еще поработать. Я ж все время об этом думал, совсем про армию забыл... Думал, вот приведем в порядок технику – в поле попрошусь на время сева... Или уборки... Теперь только через три года...

...Провожают сразу пятерых ребят. На этот раз он расстается с родными на долгих три года! Лешка и он будут служить в разных местах. В военкомате на просьбу не разъединять их

ответ по-военному короткий: «Отставить!». Они впервые будут не вместе. Новобранцы садятся в жесткие вагоны – и прощай, родина!

В переполненном вагоне ему достается верхняя полка. Всем выдают по матрацу, одеялу и подушке, без всякого белья. Ребята рассаживаются по своим местам. Теперь можно расслабиться, перекусить. Многие достают сухие пайки, выданные еще на станции, но тут по вагону проносится громкий окрик старшины:

– Отставить!!! Кто разрешал открывать консервы?!
Голос у командира зычный, по-военному жесткий.

– Значит так! Обед только по расписанию и по моей команде! Все поняли?

– Вот и перекусили, – бурчит один из его соседей – коренастый смугловатый парень, который до этой минуты все время молчал. – Команду жди! А жрать охота...

Другой сосед – полная противоположность молчуна. Худощавый, шустрый, общительный. Говорит с акцентом. Калмык или ногаец. Четвертый в их «купе» – белобрысенький паренек с большими, широко открытыми голубыми глазами.

– Ну что, познакомимся? – хлопнув ладонями, весело предлагает шустрик. – Я Рома. Роман.

– Дима, со Ставрополя, – отвечает белобрысый, пожимая руки.

– Да все мы тут ставропольские, – вновь бухтит молчун. – Когда будем ехать по Краснодарскому краю, будут с Кубани. Меня Мишей зовут.

– Витя.

– Ну, значит, будем друзьями, – заключает Рома.

– Если нас нигде не разделят, – снова возражает Миша.

– Интересно, куда нас везут? – после секундной паузы задумчиво произносит Дима.

– Так тебе и скажут, – философски замечает Миша, и все смеются.

Этот хмурый парнишка невольно снимает напряжение, царившее в «купе» с той самой минуты, как тронулся поезд.

Все ложатся на свои полки. Воцаряется тишина, лишь колеса громко и равномерно отсчитывают отведенное ей время. Каждый думает о своем. За окнами мелькают родные места. Он первый раз едет на поезде. И первый раз уезжает так далеко от дома. Нескоро увидит он эти поля, станицы. Нескоро вернется к своим тракторам да комбайнам, отведает мамино борща... Интересно, как там Лешка?..

– Обед!!! – раздается по вагону.

Все вскакивают со своих мест и кидаются к рюкзакам. Он давно не чувствовал такой голод. Видимо, как-то сказалось волнение. Рома достает перочинный нож и мастерски открывает банку – в ней перловая каша, сдобренная волокнистой говядиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.